

Пьетро Помпонацци: триумфы и трагедии религиозного свободомыслия

© М.М. Догужиева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

В статье на примере философии известного ренессансного мыслителя Пьетро Помпонацци обсуждаются проблемы религиозной и светской трактовки веры, знания, бессмертия души. Автор считает, что в условиях активизации религиозных институтов актуальность идей Помпонацци будет возрастать.

Ключевые слова: *Возрождение, религия, вера, знание, истина, бессмертие души.*

Среди великих титанов Возрождения — всесторонне одаренных и образованных, активно и ярко проявлявших себя во всех сферах жизни — не должна затеряться скромная фигура университетского профессора философии Пьетро Помпонацци (1462–1525). Его главные философские трактаты, посвященные вне-религиозному обоснованию морали и рациональному (отвергающему воздействие вне-природных сил) объяснению таинственных и загадочных явлений, были впервые опубликованы на русском языке в 1990 г.

Некоторым своим современникам этот человек казался осколком постепенно уходящей в прошлое средневековой традиции: доктор схоластики, занятый исключительно преподаванием — чтением лекций и научными диспутами в официально предписанной форме предельно детализированных комментариев к фрагментам авторитетных авторов, — он опубликовал при жизни только один большой трактат с тривиальным для того времени названием «О бессмертии души». Но это произведение — по сути, запись его лекционных курсов — оказалось одной из самых значительных книг XVI века.

Помпонацци был уроженцем Мантуи, происходил из знатной и обеспеченной семьи, закончил университет в Падуе, где потом и преподавал большую часть жизни. Он никогда не покидал Северную Италию, а в последние годы жизни был профессором в Болонье. На фоне блестяще образованных гуманистов, владеющих утонченным греческим языком и классической латынью, Перетто Мантуанец (известное его прозвище), не знавший греческого и говоривший на «варварской» латыни, казалось бы, проигрывал, но тем не менее его лекции пользовались исключительным успехом, а сам он всегда был окружен многочисленными почитателями и учениками. Этот некрасивый, маленького роста человек умел привлекать умы и сердца лю-

дей. Многие его ученики впоследствии заняли высокое положение в политической и церковной иерархии и утвердили высокую интеллектуальную репутацию Помпонацци во всей Европе. Но настоящая слава пришла к нему после смерти, когда были опубликованы два самых больших его трактата — «О причинах естественных явлений, или о Чародействе» и «О фатуме, свободе воли и предопределении». И снова за вполне традиционными для своего времени названиями скрывалось весьма радикальное содержание, из-за которого они, собственно, и не могли увидеть свет при жизни автора.

Главным предметом профессиональной деятельности Помпонацци была философия Аристотеля — высочайшего авторитета схоластики, против культа которого выступали многие гуманисты. Особенно это касалось традиционной трактовки учения Стагирита, эталоном которой для католической мысли был Фома Аквинский (1225–1274). Но Падуанский университет, где учился и преподавал Помпонацци, издавна был центром распространения самой «революционной» для церковного сознания интерпретации аристотелизма — в духе арабского мыслителя Аверроэса (1126–1198), воспринятого на Западе через посредство известного схоласта и вольнодумца Сигера Брабантского (ок. 1240–1284). Кажется, что все эти схоластические споры принадлежат истории, но это не так: их проблематика затрагивает весьма актуальный для нашего времени вопрос о положении религии в системе знаний и социальной жизни.

Чтобы почувствовать настоящую значимость идей Помпонацци, надо представлять себе социокультурный фон его деятельности. Эпоха Ренессанса с ее расцветом гуманистической культуры и возрождением идей классической древности буквально вторгалась в консервативную по определению систему университетского образования, построенную по средневековому схоластическому образцу. Помпонацци, превосходно знающий античных философов и сочинения современников (гуманисты были по преимуществу последователями неоплатонизма), разработал свой вариант «гуманистического аристотелизма», включивший в себя некоторые идеи стоической философии, и оптимально использовал для этого схоластическую манеру развития мысли (с бесконечными вопросами-ответами, доказательствами-опровержениями, доводами-сомнениями). И если типичный схоластический диспут мог закончиться «единственно правильным выводом», подкрепленным ссылкой на бесспорный авторитет, то лекции Помпонацци порой заканчивались словами: «Государи мои, вы окажетесь при больших сомнениях к концу, чем были вначале...» [1]. Он учил своих студентов сомневаться во всем: в толкованиях Аверроэса, в авторитете Аристотеля и т.п., — ибо «сомнение вовсе не чуждо науке, и никто не достигнет истинного знания, если не усомнится».

В то время как самые передовые мыслители-гуманисты склонялись перед авторитетами (правда, уже перед философами, а не богословами), мало кто осмеливался развивать идеи, которые не подкреплялись чьим-либо авторитетным мнением. В отличие от своих современников, Помпонаци до конца своих дней был открыт новому и не боялся противоречить никаким авторитетам, анализируя изменчивые факты жизни. Любимым его изречением были знаменитые слова Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

Именно итальянские университеты того времени оказались в некотором смысле «рассадниками свободомыслия». Тому было немало причин: и отсутствие в них теологических факультетов (существовали лишь кафедры богословия), и приоритетная роль медицинского и юридического факультетов, и относительная независимость от церковных властей. Все это создавало условия для более свободного исследования природы и человека. Родной для Помпонаци Падуанский университет в особенности отличался духом рационализма и вольнодумства: из его стен вышло немало «еретиков», а позднее в нем будет преподавать Галилей.

Помпонаци последовательно развивал весьма радикальную для средневекового сознания концепцию «двойственной истины», предложенную Аверроэсом под влиянием идей Аристотеля. Суть ее в том, что истины разума, доказываемые наукой и философией, и истины веры, о которых свидетельствуют Священное Писание и религиозное откровение, находятся как бы в разных плоскостях, поэтому не могут противоречить друг другу. Помпонаци в своей концепции соотношения веры и разума подчеркивал, что истина философии — это именно истина рационального познания, базирующегося на чувственных ощущениях, и что ее нельзя исказить даже ради согласования ее выводов с положениями веры. Философ рисковал признавать истинным в философии даже то, что не может быть истинным согласно христианскому вероучению.

Попытка демаркации областей знания и веры всегда встречала ожесточенную критику средневековых ортодоксов, убежденных в том, что любая философская истина должна соответствовать прежде всего истинам богословским. В 1513 г. эта критика привела к официальному институциональному запрету концепции «двойственной истины»: высший идеологический авторитет в лице Пятого Латеранского собора принял такое решение, провозгласив, что «Истина истине не противоречит», и пригрозил «презренным и омерзительным нехристям и еретикам», придерживающимся подобных заблуждений, «отвержением и наказанием». Еще одно решение Латеранского собора касалось важнейшей богословской и философской проблемы — бессмертия души. «Мы проклинаяем и осуждаем всех, кто утверждает,

что разумная душа смертна...» — в итоге догма о природном бессмертии индивидуальной человеческой души была принята официально. Очевидно, необходимость специального решения по этому вопросу была продиктована неоднозначными трактовками бессмертия души, причем они имели место и в более глубоком Средневековье. Одна весьма сочная цитата, явно отвечающая на сомнения в посмертном существовании души и заимствованная у итальянского исследователя творчества Помпонаци Бруно Нарди [2], «гуляет» по Интернету, включая исламский и православный сайты, как с изумлением обнаружил автор. Она принадлежит францисканскому богослову «второго эшелона» Пьетро де Трабибусу, жившему в XIII веке: «Если нет иной жизни... дурак, кто совершает добродетельные поступки и воздерживается от страстей; дурак, кто не предается сладострастию, разврату, блуду и скверне, обжорству, мотовству и пьянству, алчности, грабежам, насилиям и иным порокам» [3, с. 167].

Трудно более выразительно указать на теснейшую связь догмата о бессмертии человеческой души с основой основ христианской морали — учением о загробном воздаянии (о наказании за грехи и награды за добродетели). Католическая церковь считала, что отрицание загробного бессмертия приведет к крушению всех нравственных устоев. Но, несмотря на недвусмысленные угрозы идеологов Латеранского собора в адрес тех, кто смеет сомневаться в этом догмате, Пьетро Помпонаци публикует в 1516 г. свой трактат «О бессмертии души» в традиционной форме комментариев к книге Аристотеля «О душе» (очень популярном источнике схоластических штудий), в которой нарушает все запреты официальной ортодоксии. В этой книге автор с предельной интеллектуальной честностью исследует проблему, имеющую для него личный характер, поскольку он был уже пожилым человеком и тяжело болел.

Известно, что каждую лекцию, посвященную трактату Аристотеля «О душе», Перетто Мантуанец заканчивал словами: «Одно убедительное доказательство бессмертия разумной души я предпочел бы и папской власти, и всем богатствам мира... Я больше хотел бы получить одно доказательство бессмертия, чем тысячу тысяч лет быть повелителем мира...» [4]. Его слова перекликаются со словами Демокрита о том, что он предпочел бы одно причинное объяснение явлений всему Персидскому царству.

Но, несмотря на личную заинтересованность в продолжении бытия своей души после смерти, Помпонаци, рассмотрев проблему личного бессмертия «в природных границах, оставив в стороне откровения и чудеса», пришел к однозначному выводу о невозможности для человеческого разума быть независимым от тела. Основываясь на сенсуалистической теории познания Аристотеля, согласно ко-

торой мышление невозможно без органов чувств, без ощущений, без чувственных образов и представлений, он заключает: если разум нуждается в представлениях для своей деятельности, то он «неотделим от материи и, несомненно, неотделим от тела». Из этого следует, что душа человека «сама по себе» материальна и умирает со смертью тела.

Тогда перед верующим человеком встает проблема обоснования нравственности, для которой веками не находилось иного объяснения, кроме религиозного. Но Помпонацци, в отличие от цитируемого выше францисканского монаха, вовсе не считает, что из смертности души следует отказ от морали. Более того, как раз наоборот: в глазах Помпонацци именно верующие в посмертное воздаяние не могут считаться подлинно нравственными людьми, так как соблюдают нравственный закон исключительно в надежде на будущее вознаграждение и из страха перед посмертными мучениями. Характерно трезвое замечание Перетто Мантуанца, что подавляющее большинство людей, верящих в загробную жизнь своих душ, «если и поступают хорошо, то скорее из страха вечных мучений, чем в надежде на вечное блаженство, так как мучения нам больше знакомы, чем эти вечные блага» [5, с. 180]. Причем, по мнению философа, и надежда на воздаяние, и страх возмездия привносят в душу «нечто рабское», в то время как настоящая нравственность — удел не раба, а свободно выбирающего между добром и злом человека. Эта идея созвучна древним стоикам и найдет впоследствии блестящее продолжение в парадоксах этики И.Канта. Помпонацци также не раз подчеркивал, что и в реальной земной жизни ни добро, ни зло не остаются без «воздаяния». Добродетель сама по себе является высшей наградой тому, кто ее выбирает, а греховная жизнь в самой себе несет наказание тому, кто предпочел ее, даже если сам человек этого и не осознает.

Мораль человека, свободного от унижающих его страха наказания и надежды на посмертную награду, — удел избранных, высших натур, «мудрых мужей», словно сошедших со страниц древних летописей и античных трактатов: только такие люди способны предпочесть «крайние несчастья и мучения пребыванию в невежестве, глупости и пороках». Большинство людей (толпа, «простой народ») не способны разумно управлять своими страстями, проникнуты рабской моралью страха и потому нуждаются в «законе» — религиозных догматах бессмертия души и загробного воздаяния.

Помпонацци прагматически трактовал вероучение как «закон», т.е. как полезное установление, необходимое для воспитания народа и поддержания нравственности, что разделило философию и религию намного радикальнее, чем концепция «двойственной истины». По сути, в учении Помпонацци существует единственная истина — это истина рационального познания, основанного на ощущениях, и такая

истина как раз является целью и результатом философского знания. «Цель философа есть истина», — заявил Помпонацци в одной из своих лекций. Что же касается «законов», лежащих в основе религиозного учения, то они вполне обходятся без разумных доказательств. Цель основателя религии («законодателя») — не истина, а благо, «улучшение государства или сообщества граждан». Вероучение не содержит в себе ни истины, ни лжи: «законодатель» создает догматы не для того, чтобы обмануть людей, но для того, чтобы сделать их добродетельными. «Законодатель, видя склонность людей ко злу и стремясь к общему благу, постановил, что душа бессмертна, заботясь не об истине, а единственно о добродетели» [3, с. 163]. Таким образом, согласно Помпонацци, «истины веры», излагаемые обычно в форме притч, направлены не на объяснение мира и не содержат сведений о нем, но являются моральным поучением для масс «простого народа».

Хотя в последней главе трактата Помпонацци провозгласил бессмертие души истинным и неоспоримым с точки зрения веры, он отказался (в противоположность Фоме Аквинскому и всей школе рационального богословия) искать рациональные доказательства этому догмату, который столь же мало нуждается в доказательствах, как и прочие догматы религии — о сотворении мира, о воскресении Христа и т. п.

Трактат Помпонацци «О бессмертии души» свидетельствовал о кризисе традиционного религиозного мировоззрения. Он навлек на голову автора бесчисленные яростные протесты и проклятия, доносы и призывы к расправе. В результате книга была публично сожжена в Венеции, и дело против Помпонацци дошло до папы римского. Контрреформация, самые страшные времена террора католической церкви против инакомыслящих, еще не наступила — и европейская известность Помпонацци позволила ему продолжать преподавательскую деятельность. Более того, в написанных в ответ на угрозы фанатиков и ортодоксов произведениях «Апология» (1517) и «Защитная речь» (1519) он продолжал отстаивать свое право (и служебную обязанность) интерпретировать мысли Аристотеля независимо от положений христианского вероучения.

В 1520 г. Помпонацци завершил работу над трактатом «О причинах естественных явлений, или О чародействе», вполне осознавая всю немыслимость его публикации в эпоху так называемой «охоты на ведьм». Страшные расправы над женщинами, обвиняемыми в колдовстве, развернулись в Западной Европе со второй половины XV столетия и особенно усилились после издания в 1487 г. печально знаменитого трактата «Молот ведьм» Инститориса и Шпренгера и соответствующего постановления папы Иннокентия VIII, развязавшего кровавую вакханалию: количество ее жертв не поддается даже приблизительному определению. В некоторых местностях сжигали

как ведьм даже 4–7-летних девочек. В условиях разгула религиозного фанатизма Помпонацци написал книгу, по сути, разоблачающую любые «чудеса» — как колдовские действия ведьм, магов и некромантов, так и вполне ортодоксальные христианские чудеса, официально признаваемые церковью.

Сомнения в действительности сделок с дьяволом, ночных шабашей, полетов по воздуху, порчи и сглаза приравнились тогда к совершению самих этих деяний, враждебных церкви и христианскому сообществу. Достаточно упомянуть опубликованный в это время сборник под общим названием «Новый молот ведьм», автор которого доказывал реальность колдовства и требовал привлечь к суду инквизиции тех, кто считает рассказываемое ведьмами плодом больного воображения или обмана чувств. Но Помпонацци, идя путем рационального познания, считал единственно возможным естественное объяснение загадочных и таинственных явлений. Только «невежественная толпа и грубые люди, не зная, что все это происходит вследствие явных и очевидных причин, относят это к Богу или к демонам», «верят, что это делается Богом, ангелами или демонами, и считают, что люди, совершающие такие действия, имеют общение с ангелами или демонами». Если подобные «чудотворцы» сопровождают свои действия крестным знаменем и молитвой (а считающиеся ведьмами и колдунами — призыванием дьявола и заклинаниями), то делается это «для обмана людей» и для усиления воздействия на них. Между тем и чудеса, и колдовские действия совершаются «не сверх природы» и «не против природы», но могут быть «сведены к естественным причинам». Отрицая вмешательство потусторонних сил (будь то Бог или дьявол), Помпонацци утверждал, что это не сверхъестественные явления, а просто явления, причины которых не всегда открыты и явны.

Стремясь дать объяснение «чудесных» явлений с помощью естественных причин, Помпонацци ссылаясь на воздействие целебных трав, минералов, испарений и т.п. (пусть даже его объяснения с точки зрения позднейшей науки выглядят наивными и нелепыми). В любом случае такой подход прокладывал путь для нового эмпирического естествознания. Намного интереснее его попытки учитывать воздействие человеческой психики в случаях, например, «чудесных исцелений», что весьма актуально для нашего богатого экстрасенсами и целителями времени. Он подчеркивал, что неслучайно знахари часто имеют больший успех, чем самые ученые врачи, и что неслучайно неожиданные исцеления чаще происходят среди «людей низкого происхождения и грубых, ибо они наиболее легковерны». В особенностях человеческой психики заключен секрет воздействия мощей и реликвий святых: в случае исцеления действует не таинственная сила самих реликвий, а воображение и впечатлительность исцеляемого

верующего, «так что если бы то были и собачьи кости, то столь велика сила воображения, что и от них ничуть не меньше последовало бы исцеление». Более коротко ту же мысль выразил младший современник Помпонацци великий врач Парацельс (1493–1541) — что чудеса творит «вера, все равно, истинная ли это вера или ложная, она чудеса будет творить всегда».

Вторая важнейшая тема трактата Пьетро Помпонацци — обусловленная движением небесных светил всеобщая закономерность в природе. Будучи сторонником демокритовского детерминизма, он дополнял его распространенными тогда астрологическими представлениями о регулирующем воздействии небесных светил на земную жизнь. Не принимая примитивное «гадание по звездам» и попытки выяснять по движению светил конкретные судьбы людей, он был сторонником так называемой «натуральной астрологии», исходившей из воздействия высшего небесного мира на мир земной природы. Именно постоянное и неизменное движение небесных тел воплощало для Помпонацци вечную и неизменную закономерность природы. Он подчеркивал, что все в мире подчинено общему закону вечного движения, возникновения, изменения и гибели. Все, что имеет начало, имеет и свои периоды подъема и упадка, но особенно сложно заметить это в вещах, которые существуют длительное время, «как-то: неодушевленные предметы, реки, моря, города, законы...».

Согласно философии Помпонацци, религия не может избежать общего закона рождения, развития, упадка и гибели. Боги приходят и уходят, повинясь неумолимому закону природы, движению небесных тел, воздействующих на земные дела, и старый «закон» уступает место новому с рождением новых богов. Именно поэтому пророки с уверенностью предсказывают появление основателей «новых законов» на много веков вперед, поэтому чудеса в каждой религии «вначале очень слабы, затем увеличиваются, потом достигают вершины, потом ослабевают, пока не обращаются в ничто». По мнению Помпонацци, христианский «закон» уже прошел периоды своего возникновения и подъема. Повинясь велению рока, он приходит в упадок, «отчего ныне все охладели в нашей вере и прекратились чудеса, кроме поддельных и ложных, — ибо, видимо, близок ее конец». Так его философия предвосхищает грядущее наступление Реформации.

Свою последнюю и самую значительную по объему книгу «О фатуме, свободе воли и предопределении» Помпонацци также не предназначал для печати, она была опубликована более чем через 40 лет после смерти автора. Он закончил этот трактат за три года до смерти, в возрасте 59 лет. Исследуя весьма популярные в эпоху Возрождения проблемы, уравнивал в правах все возможные точки зрения — от атеистической до аристотелевской, от стоической (согласно которой

в мире царит фатум — нерушимая закономерность, совпадающая с божественным провидением) до христианской (соединяющей божественное провидение со свободой человеческой воли).

Не являясь атеистом, Помпонацци не сомневался в существовании Бога, о котором, по его мнению, свидетельствовали царящие во Вселенной гармония и порядок. Но главной трудностью для него было то, что спустя два века Лейбниц назовет проблемой теодицеи («оправдания Бога»): как в мире, управляемом всеведущим и благодатным Богом, возможно наличие зла? В рамках традиционного религиозного мировоззрения нет возможности снять с Бога ответственность за существование в мире зла: «Бог или правит, или не правит миром. Если не правит, то какой же он Бог? Если правит, то почему же он правит так жестоко?» — так ставил вопрос Помпонацци.

Зло господствует в мире природы и в человеческом обществе, где богатые угнетают бедных, сильные — слабых, где «добродетели крайне редки... И не только сейчас это так, но всегда так было, как явствует из всех историй, и так будет всегда». Бог, допускающий мировое зло, «оказывается жестоким палачом, наихудшим из всех, несправедливым и полным коварства». Человек окружен соблазнами, и не Бог ли ответствен за грехи людей? «Если Бог все знает и может отвратить заблудшего от его заблуждений, то почему он не делает этого? И почему, если Бог не отвращает от заблуждений, то грех падает не на Бога, а на человека?» Ведь это Бог «дал душу, склонную ко греху, и омраченный рассудок соединил со страстями», это Бог сделал так, что путь добродетели усеян препятствиями, а честный человек подвергается повсюду горестям, мучениям и страданиям, «как если бы Бог наказывал людей за то, что они идут стезей добродетели», между тем как «негодяи окружены почетом, процветают и внушают страх».

Поэтому Бог «либо оказывается подлым обманщиком и лжецом, либо не хочет, чтобы все люди были добродетельны». С таким Богом, заключает Перетто Мантуанец, «нет нужды в дьяволе и его компании, ... не нужен иной дьявол и злой искуситель, кроме самого Бога».

Помпонацци понимал, насколько рискованна подобная постановка вопроса: «потрясена душа, трепещут члены и человек выходит из себя, услышав или подумав такое — о Боге!». Но это не вывод самого автора книги, а лишь доведенная до абсурда внутренняя противоречивость христианского понимания Бога. Строго следуя путем рациональной философии, без ссылок на иррациональные догматы веры (божественное откровение, загробное воздаяние и т.п.), Помпонацци был не в состоянии оправдать творящееся в мире зло. В «Эпilogue» книги сформулирован итог: «Оставаясь в естественных пределах и насколько позволяет человеческий разум, мне представляется, что из всех приведенных мнений наиболее свободно от противоречий мнение стоиков».

Следуя стоической концепции фатума, философ нашел выход в отказе от религиозных антропоморфных представлений о личностном Боге. Его Бог не вмешивается в дела людей, не подвластен никаким мольбам, до него не доносится стон угнетенных, он не карает грешников и не вознаграждает праведников. Это не христианский Бог униженных и оскорбленных, а некое безличное начало, совпадающее с фатумом, с естественной необходимостью всеобщих законов природы. Он воплощает в себе причинно-следственную зависимость детерминированного мира. Мир не сотворен Богом во времени, а со-вечен Богу.

Фактически растворяя Бога в природе, Помпонацци переходит на позиции натуралистического пантеизма. Являясь началом бытия и источником движения, Бог в его понимании не может вносить изменения в мировые процессы: он «поступает по фатуму и согласно природе», «действует неизбежно... самым детерминистским образом», т.е. оказывается лишенным свободы воли. Поэтому Бог не несет ответственности за существование в мире зла. Зло в мире «существует ради блага Вселенной»: «как представляется, нельзя отрицать, что зло способствует украшению Вселенной». Таким образом, зло, согласно Помпонацци, «происходит из природы Вселенной, а не от несправедливости Бога», и «то, что в частности и рассматриваемое само по себе представляется несправедливым, рассмотренное в отношении Вселенной, оказывается справедливым...» Продолжение и развитие этот путь теодицеи найдет у Лейбница.

Отказ Помпонацци видеть зло в природных явлениях связан с преодолением антропоморфных представлений не только о Боге, но и о мире: к космосу в целом неприменимы человеческие категории «добра» и «зла». Но оправдание частного зла гармонией целого относится у Помпонацци не только к природе, но и к человеческому обществу, что объясняет для него и социальное неравенство, и несправедливость. «Тем, что богатые угнетают бедных, не доказываются несовершенство и жестокость Бога, равно как и тем, что волк пожирает овцу, волка терзают псы, а псов — львы, ибо, хотя по отношению к частному это кажется несправедливым, по отношению к мировому порядку это не представляется таковым. Ведь то, что земледельцы находятся в подчинении у горожан кажется жестоким, но, если иметь в виду благоустройство государства, это окажется необходимым, и без этого мир не обладал бы совершенством». Таким образом, начав с протеста против царящего в мире зла, Помпонацци закончил апологией существующего порядка. Резко осуждая социальную несправедливость и тиранию, он отнюдь не призывал к борьбе за совершенствование общества, не строил утопических планов рационального переустройства общественной жизни, что было свойственно некоторым гуманистам.

Разумеется, Помпонацци должен был согласовать свою философскую концепцию с традиционным религиозным вероучением. Исходя из своей интерпретации «двойственной истины», он постоянно повторял любимую идею о том, что философская истина предназначена лишь для мыслящей элиты общества — для людей, способных видеть наказание за порок в нем самом и следовать добродетели, не страшась адских мучений и не надеясь на райское блаженство. Но пантеистический образ Бога философов, обосновывающих и принимающих мировой порядок, не годится для «простого народа», не способного подняться до вершин рационалистической этики и стоически соблюдать нравственные принципы. Поэтому большинство людей нуждаются в религии — и Помпонацци предоставлял теологам-«законоучителям» право воспитания народа при условии, что они не станут предъявлять претензий на обладание истиной и не будут вмешиваться в философские споры.

Таким образом, Помпонацци как философ мог провозглашать истину, но как законопослушный член общества, осознающий необходимость существования религии, он многократно заявлял в своих лекциях и трактатах, что повинуется авторитету христианской церкви и признает все ее догматы.

Однако перед угрозой надвигающейся Реформации даже такая компромиссная позиция не устраивала католическую церковь: хотя сам Помпонацци избежал костра, его книги подвергались запрету, а его сторонники — преследованиям. Перетто Мантуанец всегда помнил об опасности расправы и постоянно напоминал о ней своим слушателям и читателям. «Государи мои, направо пойдете — будет вам пытка, налево — четвертование, — так предостерегал он студентов на одной из своих лекций. — В философии верьте тому, что велят вам разумные доказательства, в теологии — тому, что велят богословы и апостолы со всею Римскою церковью, а не то умрете вы смертью поджаренных каштанов» [1]. И в своих трактатах Помпонацци часто ссылался на гонения и казни, которым подвергались философы в древности. Он знал о судьбе своих предшественников по университетским кафедрам в Падуе и Болонье, один из которых был сожжен живьем, а прах другого был извлечен из могилы и предан огню по приговору инквизиции.

В суровые времена Контрреформации, покончившей с рискованной игрой европейского аверроизма в «двойственную истину», имя Пьетро Помпонацци стало настоящим символом свободомыслия. Его трактат «О причинах естественных явлений, или О чародействе» использовался передовыми людьми своего времени против «охоты на ведьм». Огромное влияние оказали идеи Перетто Мантуанца на Джордано Бруно, ставшего одной из самых известных жертв инквизиции, сожженного на костре в 1600 г. Одним из самых активных по-

следователей Помпонацци был Джулио Ванيني, называвший его своим «божественным наставником». Ванيني — один из наиболее радикальных мыслителей позднего Возрождения — за смелые атеистические трактаты в 1619 г. тоже не избежал костра. Повлиял Помпонацци и на вольнодумцев XVII века, и на философию религии французского Просвещения.

Вообще развитие западноевропейского свободомыслия трудно представить без Пьетро Помпонацци. Поставленные им вопросы о моральных основаниях поведения человека, не разделяющего религиозных догматов, способствовали формированию светской морали, а пантеистическое убеждение в единстве мира, Бога и человека как проявлений закономерности природы предвосхитило научные и философские мировоззренческие открытия Нового времени.

Что же касается нашего времени, то противоречия, связанные с социальной ролью религии и церкви, обостряются практически во всем мире: разрастание фанатической нетерпимости, усиление вмешательства церкви во все сферы жизни общества, размывание границ между верой и знанием и т. д. Приводить примеры нет необходимости — они у всех если не на устах, то на экранах компьютеров и телевизоров. Пьетро Помпонацци в свою гораздо более невежественную эпоху сумел возвысить свой голос в защиту свободы мысли и предостеречь последующие поколения от погружения во тьму религиозного фанатизма и церковного тоталитаризма. И за это он, безусловно, достоин нашей благодарной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гараджа В.И. *Постоянство разума (свободомыслие Пьетро Помпонацци)*. Москва, Директ-Медиа, 2010.
- [2] Nardi B. *Studi su Pietro Pomponazzi*. Firenze, 1965.
- [3] Горфункель А.Х. Ренессансный аристотелизм Пьетро Помпонацци. *Философия эпохи Возрождения*. Москва, Высшая школа, 1980, с. 160–179.
- [4] Мареева Е.В. Пьетро Помпонацци: у истоков культурно-исторической методологии. *Вопросы философии*, 2006, № 1, с. 146–159.
- [5] Помпонацци Пьетро. *Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений, или О чародействе»*. Москва, Изд-во АОН, 1990, 312 с.

Статья поступила в редакцию 16.04.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Догужиева М.М. Пьетро Помпонацци: триумфы и трагедии религиозного свободомыслия. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 6.

URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/259.html>

Догужиева Марина Муратовна — канд. филос. наук, доцент кафедры философии МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: aniramd@list.ru

Pietro Pomponazzi: triumphs and tragedies of religious free-thinking

© M.M. Doguzhieva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The author has tried to provide an insight into philosophy of a well-known renaissance thinker Pietro Pomponazzi to help his reader better cope with religious and secular understanding of faith, knowledge, and immortality of soul. The author believes that the increasing activity of religious institutions calls for discussion of Pomponazzi's ideas.

Keywords: *Renaissance, religion, faith, knowledge, truth, immortality of soul.*

REFERENCES

- [1] Garadzha V.I. *Postoyanstvo Razuma (svobodomyслиe Pietro Pomponaczci)* [Constancy of Reason (Freethinking of Pietro Pomponazzi)]. Moscow, Direct-Media, 2010.
- [2] Nardi Bruno. *Studi su Pietro Pomponazzi*. Firenze, 1965.
- [3] Gorfunkel' A.Kh. *Recessansny Aristotelizm Pietro Pomponatsii. Filosofiya Epokhi Vozrozhdeniya* [Pietro Pomponazzi's Understanding of Aristotle in Renaissance. In: Philosophy of the Renaissance]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980, pp. 160–179.
- [4] Mareeva E.V. *Voprosy Filosofii — Philosophical Issues*, 2006, no. 1, pp. 146–159.
- [5] Pomponazzi P. *Treatises “Tractatus de immortalitate animae”, “De incantationibus”* [in Russian: *Traktaty “O Bessmertii Dushi”, “O Prichinakh Estestvennykh Yavlenij, ili o charodeistve”*]. Moscow, AON Publ., 1990, 312 p.].

Doguzhieva M.M., Ph. D., associate professor of the Philosophy Science Department of Bauman Moscow State Technical University. e-mail: aniramd@list.ru